

УДК 94(416)

**ТРИУМФ И ТРАГЕДИЯ: СОБЫТИЯ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ
В ИДЕОЛОГИИ УЧАСТНИКОВ ОЛЬСТЕРСКОГО КОНФЛИКТА (1969-1998 гг.)**

© 2022 Д.А. Афанасьева

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева

Статья поступила в редакцию 04.11.2021

Автор рассматривает особенности интерпретации событий Первой мировой войны радикальными юнионистскими и республиканскими группами в период Ольстерского конфликта 1969-1998 годов. Основными источниками являются городские мемориальные объекты Северной Ирландии. В ходе исследования были обозначены истоки мотивов героизации образов участников Первой мировой войны, в частности, битвы на Сомме, и Пасхального восстания. Описан механизм взаимовлияния исторической памяти, нарративов, связанных с коллективной травмой или коллективным триумфом и мифологии, конструируемой радикальными группами для трансляции собственной идеологии. Автор заключил, что события и явления прошлого, имеющие особое символическое значение для идентичности католиков и протестантов Северной Ирландии, интерпретируются в рамках радикальной идеологии, выступая инструментами легитимации насилия, мобилизации населения и сохранения этноконфессиональной поляризации.

Ключевые слова: Ольстерский конфликт, Северная Ирландия, ольстерский юнионизм, ирландский республиканизм, историческая память.

DOI: 10.37313/2658-4816-2021-4-1-46-55

Принято считать, что Североирландский конфликт начался в 1969 году, когда произошли столкновения между католиками и протестантами в Дерри, однако в действительности кризисные социальные явления стали проявляться намного раньше указанного времени. Несмотря на то, что отчуждение католического населения региона юнионистскими силами от владения средствами производства, материальными благами и возможности реализации политических прав наблюдалось на протяжении многих веков, особенно критичной указанная ситуация стала после отделения свободного Ирландского государства от Великобритании в 1922 году.

Шесть графств провинции Ольстер остались в составе Соединенного Королевства и сформировали административно-полити-

ческую единицу «Северная Ирландия». Католическое население составило всего одну третью часть региона и столкнулось с подавляющим характером политики как местной, так и центральной администрации¹. У власти в Северной Ирландии оказались юнионистски настроенные протестантские круги, их деятельность практически никак не ограничивалась вышестоящими органами, и это привело к всесторонней дискриминации католиков под лозунгом сдерживания республиканских настроений и сохранения региона в составе Великобритании. К примеру, протестантской администрацией создавалось такое деление на избирательные округа, чтобы большинство голосов всегда оставалось за протестантами. В итоге представителям католического сегмента было крайне сложно получить какие-либо должности. К примеру, по данным на 1969 год, они занимали лишь 11% управляющих постов². Показательным фактом является со-

Афанасьева Дарья, магистрант, кафедра всеобщей истории, международных отношений и документоведения. E-mail: afanasyevm98@gmail.com

держание закона о выборах: до 1969 года существовал имущественный ценз, согласно которому до голосования допускались лишь лица, владеющие определенным, достаточно крупным, объемом имущества, а также успешные предприниматели. Учитывая высокий процент протестантов среди перечисленных групп, католическое меньшинство практически не имело шансов на продвижение своих кандидатур в парламент.

Произошла резкая поляризация общества и на бытовом уровне. Протестантские кварталы стали «закрыты» для католиков, а католические - для протестантов³, причем, несмотря на условные наименования, происходило деление не столько по религиозным разногласиям, сколько по объективным социально-экономическим и политическим причинам.

Недовольство католического населения сложившейся ситуацией вылилось в создание Ассоциации борьбы за гражданские права. Движение, сплотившее вокруг себя республиканские силы региона, выдвигало требования, не связанные с самостоятельностью Северной Ирландии, а также не предъявляло политических требований, кроме тезиса о необходимости предоставления равных политических прав всему населению шести графств⁴, однако само существование активной протестантской политической силы вызвало недовольство у радикально настроенных юнионистов. Протестантские группировки проводили контрдемонстрации и открыто протестовали против деятельности Ассоциации, организуя погромы в католических кварталах городов северо-восточного Ольстера⁵. Это вылилось в масштабное столкновение между республиканскими и юнионистскими силами в Дерри в 1969 году.

Для нормализации обстановки в регион были введены войска, которые, несмотря на первоначально довольно лояльное отношение к их присутствию католиков, вскоре потеряли доверие религиозных меньшинств⁶. Ввод войск и усиление мер чрезвычайного положения привело к воз-

никновению в рядах республиканцев сторонников более решительных мер. От Ирландской Республиканской армии (ИРА) откололось радикальное крыло, получившее название Временной Ирландской Республиканской армии. Участники этого сегмента ИРА выступали за жесткие меры по противостоянию английскому присутствию в Северной Ирландии. В противовес ИРА была создана организация Ольстерских Добровольцев, Ассоциация Обороны Ольстера и ряд иных военизированных юнионистских формирований.

Присутствие в регионе противодействующих милитаристических вооруженных группировок, а также регулярной армии усугубило положение в Северной Ирландии и во многом стало причиной затяжного характера «смуты». Армейские подразделения противостояли одновременно ИРА и сопутствующим республиканским группировкам, а также, хоть и реже, юнионистским вооруженным формированиям, препятствующим проведению отдельных операций и производящим террористические акты. В этот же момент происходила конфронтация между республиканскими и юнионистскими группировками. Вооруженная борьба шла не только между различными силами, но и внутри них – нередкими были столкновения между различными ответвлениями ИРА, бои между группировками юнионистов.

Все это не могло не отражаться на качестве жизни населения Северной Ирландии. Во-первых, боевые действия шли непосредственно на улицах городов, что сопровождалось повреждением окружающих зданий, появлением жертв среди мирного населения. Во-вторых, общая враждебность среды, а также угроза насилия со стороны вооруженных формирований приводили к ситуации усиления поляризации населения. Одно сообщество старалось максимально дистанцироваться от другого с целью минимизации опасности пересечения с представителями радикальных сил. Скрытность действий представителей нелегальных вооруженных группировок, а также отсутствие

у них постоянной формы обмундирования усиливали атмосферу подозрительности. Повседневность членов этноконфессиональных общин оказалась тесно связана с деятельностью радикальных вооруженных и политических групп. Широкая поддержка населением юнионистских и республиканских сил радикального толка во многом была обусловлена не столько крайне негативным отношением к другой конфессиональной группе, сколько страхом перед насилием с ее стороны. Постепенно в сознании широких слоев населения социальная мифология, выполняя защитную функцию ограничения «своего» от «чужого», стала основой организации быта и неотъемлемой частью мышления в целом. Она была структурирована и стала частью идеологических программ конкретных партий, протопартийных структур и военизированных организаций: ИРА, Шинн Фейн, Ассоциации Ольстерских Добровольцев, Демократической юнионистской партии и других.

Значительную роль в сконструированной идеологии играло обращение к историческим событиям. Особым образом интерпретируемые факты прошлого служили подтверждением тех или иных представлений о враждебности и отрицательных качествах, присущих «врагам» - представителям соседней этно-конфессиональной общины. Кроме того, они обосновывали необходимость осуществления деятельности «дружественных» конкретной общине радикальных групп, героизировали те персоналии и организации, которые были назначены их идеологическими предшественниками. Показательным примером оказалось обращение юнионистов и республиканцев к событиям и явлениям, относящимся к периоду Первой мировой войны. Они стали неотъемлемой частью исторической памяти населения Северной Ирландии и, осмысленные в идеологическом ключе, превратились в основу для пропагандистских сюжетов, транслируемых с помощью различных медиумов.

Данное явление было частично рассмотрено в западной историографии. Часть

этих исследований посвящена связи исторической памяти населения о событиях Первой мировой войны и практик радикальных групп, являющихся основными акторами в период Ольстерского конфликта. Это, к примеру, совместная статья Б. Грэма и П. Ширлоу «The Battle of the Somme in Ulster memory and identity», в которой рассматривается роль битвы на Сомме как объекта исторической памяти в идеологии ольстерского юнионизма и идентичности североирландских протестантов⁷. Авторы заключают, что битва на Сомме в связи с участием в ней 36-й Ольстерской дивизии символизировала для юнионистов главенство локального над национальным и глобальным. Участие именной ольстерской части в одной из наиболее кровопролитных битв Великой войны было воспринято сторонниками лоялизма как добровольная жертва, принесенная протестантами Ирландии во имя защиты Британии. По мнению Б. Грэма и П. Ширлоу, битва на Сомме стала примером самостоятельности ольстерских юнионистов, их значимости для страны. В то же время память о ней использовалась идеологией радикальных лоялистских организаций как инструмент нормализации насилия путем уравнивания сути Ольстерского конфликта и Первой мировой войны как ситуаций, требующих всеобщей мобилизации для защиты родины от врагов, во имя личного и общего блага. К проблеме сопряженности исторической памяти о Великой войне и риторики радикальных групп обращается и израильский историк Г. Бейнер в статье «Trauma and Triumphalism: The Easter Rising, the Somme, and the Crux of Deep Memory in Modern Ireland»⁸. Анализируя характер республиканских и юнионистских идеологических нарративов, связанных с битвой на Сомме и Пасхальным восстанием, автор приходит к выводу, что особая «популярность» этих событий была вызвана тем, что они одновременно связывались и с триумфом, и с трагедией. Смешение обоих компонентов в исторической памяти, актуализируемой в рамках пропагандистской

деятельности, позволяло, с одной стороны, мобилизовать население, а с другой - обосновать правомерность насилия по отношению к идеологическим врагам.

Существует также ряд работ, в которых авторы рассматривают конкретные случаи и способы использования радикальными группами Северной Ирландии сюжетов, образов, связанных с Первой мировой войной. Например, Дж. Белл в монографии «For God, Ulster or Ireland? Religion, identity and Security in Northern Ireland»⁹, называя религиозный фактор основной причиной начала и затягивания конфликта, заключает, что почитание «павших героев» - участников Первой мировой войны и Пасхального восстания - в условиях господства сектантских настроений становилось нормативной частью религиозных культов. То есть поминовение героев прошлого превращалось в обязанность для «порядочных» протестантов и католиков, выходя за границы светских практик. Иной подход предлагает А. Джадж в монографии «Neither Here Nor There: Northern Ireland, Myth, and the People In Between»¹⁰. Рассматривая аспекты идентичности двух противоборствующих общин и идеологии радикальных групп, автор приходит к выводу, что имеет дело с цельными мифологическими системами, в которых и события настоящего, и образы прошлого становятся частью единого нарратива. Интерпретацию событий Первой мировой войны юнионистами и республиканцами автор называет «мифом о принесенной жертве», обосновывающим как виктимизацию, так и триумфализм.

Исследователи не обходят вниманием и вопрос отражения событий Первой мировой войны в городских памятниках, созданных в период Ольстерского конфликта. Работы, выполненные в этом ключе, к примеру, исследования Б. Роллстона¹¹, М. Форкера и Дж. Маккормика¹², носят в основном дескриптивный характер и не содержат глобальных выводов, однако фиксируют содержание ряда ныне утраченных мемориальных объектов и предлагают способы

группировки рассматриваемых материальных источников.

Использование городских мемориальных объектов, пропагандирующих образы, связанные с Великой войной, в качестве источников характерно и для данной работы. Эти памятники активно использовались юнионистскими и республиканскими силами для трансляции собственной идеологии, а потому анализ их сюжетов позволяет сделать вывод о том, какое место отводилось памяти о Первой мировой войне в конструируемой радикальными группами картине мира. Следует также отметить, что в условиях городской среды мемориальные объекты являлись постоянной составляющей жизни человека. Они созерцались практически непрерывно и не могли не оказывать влияния на самоопределение членов религиозных общин.

Целью исследования является рассмотрение аспектов и способов использования исторической памяти о Первой мировой войне радикальными группами юнионистов и республиканцев в качестве инструмента для распространения собственной идеологии в рамках Ольстерского конфликта 1969-1998 годов.

Для сторонников юнионизма было характерно уделение особого внимания движению Ольстерских Добровольцев, боевому пути и персоналиям 36-й Ольстерской дивизии, а также событиям и последствиям битвы на Сомме (1 июля - 18 ноября 1916). Эти элементы составляли значительную часть исторического мифа о героизме ольстерских лоялистов.

Организация «Ольстерские Добровольческие Силы» была основана в январе 1913 года. Это стало ответом лоялистских сил на попытки парнеллиста Дж. Редмонда при поддержке либеральной партии Великобритании добиться принятия Парламентом Билля о самоуправлении Ирландии. В 1912 году с подачи лидера юнионистов Эдварда Карсона и биржевого маклера Дж. Крейга была организована кампания в поддержку «Ольстерской Торжественной лиги и Кове-

нанта», документа, который предполагал противодействие проекту Ирландской автономии. «Ковенант» был подписан почти четвертью миллиона человек и в том же году был представлен Парламенту¹³. Для отстаивания его положений, а также активного противостояния движению за самоуправление Ирландии и была создана военизированная организация «Ольстерские Добровольческие Силы». Предполагалась вербовка в ее ряды ста тысяч мужчин-протестантов, готовых вступить в открытое противостояние с противниками лоялизма¹⁴. Выступая под лозунгами защиты протестантского меньшинства, проживающего на территории Ирландии, «Ольстерские Добровольческие Силы» стремились помешать формированию местного парламента путем запугивания и применения насилия по отношению к католическому населению. На пике популярности организация насчитывала более ста тысяч человек в своих рядах¹⁵.

Первоначально организация не была воспринята сторонниками самоуправления Ирландии всерьез. Они назвали кампанию, развернутую ольстерскими юнионистами, «комическим цирком Карсона»¹⁶, однако вскоре осознали опасность, исходящую от «Ольстерских Добровольческих Сил». Открытая подготовка лоялистов к вооруженному конфликту, а также распространяющаяся информация о закупке ими винтовок¹⁷ привели к волнению в рядах ирландских националистов и последующему созданию военизированной организации «Ирландских Добровольцев». Антагонизм был столь высок, что гражданскую войну, по мнению исследователей, смогло предотвратить лишь начало в 1914 году Первой мировой войны¹⁸.

В рамках мифологии радикальных юнионистских групп, активно действовавших в Северной Ирландии в период с 1969 года до подписания соглашения Страстной Пятницы в 1998 году, образ «Ольстерских Добровольческих Сил» был героизирован. Цели противников Билля о самоуправлении были настолько близки лоялистам второй половины XX века, что одна из военизированных

групп, созданная в 1966 году при поддержке Иана Пейсли, была названа в честь данной организации¹⁹. Считая себя наследниками формирования, созданного в 1913 году, члены данной группы считали своей целью борьбу за конституционное сохранение Северной Ирландии в составе Соединенного Королевства²⁰. В понимании юнионистов борьба с республиканцами и возможностью усиления католиков в настоящем, очевидно, была прямым продолжением процессов, происходящих в прошлом. Соответственно, как и прежде, номинально их деятельность была направлена на защиту прав протестантского населения, интересов Британии.

Об этом свидетельствовало содержание ряда юнионистских городских памятников. К примеру, в 1997 году на улице Шанкиллоуд в Белфасте появился мурал, изображавший силуэты солдат 36-й Ольстерской дивизии, короля Вильгельма III, а также вооруженного бойца UVF²¹. Композицию обрамляла надпись: «Ольстерские Добровольческие Силы, 1912-1997. Битва на Сомме 1 июля 1916. Мы не забудем». Это указывает на то, что в рамках юнионистской идеологии две различные организации – существовавшая в прошлом и действующая в настоящем, сливались в одну. Военные подвиги, героизм, проявленный членами «Ольстерских Добровольческих Сил», принявшими участие в сражениях Первой мировой войны в составе 36-й Ольстерской дивизии, фактически становились достоянием UVF и всех лоялистов, действовавших во время Североирландского конфликта. Подобный нарратив прослеживался, к примеру, и в содержании мурала, располагавшегося в округе Баллимакаррет в Восточном Белфасте²². Портреты участников «Ольстерских Добровольческих Сил» (Фредрика Кроуфорда и Джеймса Крейга) и членов UVF (Роберта Сеймура и Джо Лонга) помещены на изображении рядом. Между деятелями прошлого и юнионистами современности расположена стела, увенчанная печатью с символом «Алой Руки Ульстера» и обвитая лентой с надписью «За Веру и Ольстер!».

Можно заключить, что символически конфликт в Северной Ирландии приравнивался юнионистской идеологией к войне, причем однозначно праведной, так как целью выступала исключительно защита Родины. Подобная интерпретация доказывала свою весомость путем совмещения анти-республиканских образов и элементов, характерных для коммеморативных практик, связанных с поминовением участников Первой мировой войны, к примеру, маков и традиционной для англоязычной традиции фразы: «Мы не забудем». Показательно также, что «Ольстерские Добровольческие Силы» были представлены как некая единая юнионистская сила, существовавшая на фронте несмотря на то, что в действительности члены организации поступали в распоряжение единой британской армии как частные лица и зачастую определялись в различные части, вне зависимости от принадлежности к лоялистским силам и убеждений. Кроме того, многие «Ольстерские Добровольцы» вовсе не участвовали в сражениях, оставаясь в тылу как сила, необходимая для сдерживания ирландских националистов. Эти факты намеренно упускались пропагандой, позволяя создавать героический образ лоялистских сил, являющихся прямыми «предками» юнионистов, действовавших в Северной Ирландии в 1960-1990-е годы.

По подсчетам исследователей, почти 31 000 человек из числа участников «Ольстерских Добровольческих Сил» отправились на фронт в составе британских вооруженных сил²³. Вопреки распространенным представлениям далеко не все члены организации оказались в составе 36-й Ольстерской дивизии, официально сформированной 28 октября 1914 года. Во многом это было вызвано тем, что, несмотря на регулярные военные сборы и кампании по подготовке членов организации к возможным столкновениям с католиками, фактическая их готовность к участию в боевых действиях оказалась весьма низкой²⁴. Тем не менее факт создания особой Ольстерской дивизии являл собой символ победы юнионистов,

признания правительством особого статуса региона, его отличия от прочих провинций Ирландии. Подобная идеологическая нагрузка делала боевой путь 36-й Ольстерской дивизии особо значимым для историко-мифологического нарратива, создаваемого радикальными юнионистами Северной Ирландии. Участие этого подразделения в битве на Сомме, одном из наиболее крупных и кровопролитных сражений Первой мировой войны, а также иных битвах стало в результате основой для героизации опыта военнослужащих 36-1 Ольстерской дивизии. Служба уроженцев Ольстера, в особенности протестантов и сторонников юнионизма, на фронтах Великой войны фактически определялась как проявление преданности Короне, коллективная кровавая жертва²⁵.

Это подтверждается содержанием большого числа памятников, принадлежащих к юнионистской традиции. К примеру, мурал, некогда находившийся на Блейт-стрит в Белфасте и зафиксированный фотографиями, изображал силуэты трех солдат, символизирующих, согласно надписи, бойцов 36-й Ольстерской дивизии.²⁶ Основное изображение было окружено различными традиционными юнионистскими силами – перекрещенными «Ольстерским знаменем» и «Юнион Джеком», «Алой Рукой Ульстера», а также помещенным на геральдическую ленту названием организации «Ольстерских Добровольческих Сил». Помещенный слева от композиции стилизованный текст сообщал следующее: «Они восстали в темные времена, чтобы защищать нашу родную землю. За Веру и Ольстер». Справа располагалась цитата из Библии: «И предаст их тебе Господь, Бог твой, и поразишь их, тогда предай их заклятию, не вступай с ними в союз и не щади их». Очевидно, что в данном случае коммеморация оказалась тесно связанной с целями и идеологией радикальных групп, о чем свидетельствовало не только обилие лоялистской символики на изображении, номинально посвященном событиям Первой мировой войны, но и характер текстового сопровождения. Следует предположить, что

защита Родины в рамках Великой войны «восставшими», мобилизованными юнионистскими силами должна была служить примером для протестантского населения Северной Ирландии в 1969-1998 годах, когда угрозой для Великобритании, согласно лоялистской идеологии, провозглашались республиканские силы. Чтобы оказаться «достойными» своих предков, сторонники юнионизма должны были принять активное участие в межобщинном конфликте, принести «жертву» Родине, подтверждая героическую преемственность. На это указывает также, например, содержание юнионистского мурала, располагавшегося в Белфасте на Аппер-Ньютаунардс-роуд: изображение вооруженных бойцов UVF соседствовало с фигурами солдат 36-й Ольстерской дивизии и сопровождалось следующим текстом: «Добровольцы Восточного Белфаста. Сегодня, завтра и всегда. Мы должны запомнить их»²⁷. Сочетание элементов можно, пожалуй, безошибочно трактовать как указание на прямую преемственность задач, которые стояли перед уроженцами Ольстера во времена Великой войны и юнионистами второй половины XX века.

Важно отметить, что указание на несомненно героический характер действий ольстерских юнионистов во время Первой мировой войны служило противовесом истории о «предательском» Пасхальном восстании 1916 года, совершенном националистами, а, соответственно, обосновывало необходимость сохранения политического доминирования юнионистских сил²⁸. Подобный антагонизм, существовавший в исторической памяти, породил ряд специфических глубоких идеологических противоречий между двумя общинами и политическими движениями, так как сюжеты, связанные с восстанием 1916 года, являлись одним из центральных сюжетов республиканской исторической мифологии.

Решение правительства Великобритании в 1914 году отложить принятие проекта о самоуправлении Ирландии до окончания войны вкупе с объявлением о всеобщем

призыве на фронт в 1916 году привели к масштабному военному выступлению национальных сил в апреле того же года. Событие было впоследствии названо «Пасхальным восстанием». 24 апреля 1916 года объединенные силы «Ирландских Добровольцев», Ирландской Гражданской армии, а также Cumann na mBan захватили несколько ключевых мест в Дублине и провозгласили независимость Ирландской Республики. Они рассчитывали на то, что в условиях Первой мировой войны правительственные войска не смогут оказать существенного сопротивления силам республиканцев, однако в течение шести дней все укрепления повстанцев были взяты. Главпочтамт держался до последнего, лишь 30 апреля Патрик Пирс подписал капитуляцию и призвал к прекращению огня. В результате восстания было убито 500 человек, среди них были преимущественно гражданские лица. Еще около 3000 человек были арестованы. Лидеров восстания было решено казнить по законам военного времени. Если первоначально отношение населения Ирландии к организациям Патрика Пирса и Джеймса Коннолли было достаточно равнодушным, то после поражения восстания и воплощения жестких решений военного трибунала в обществе распространились сочувственные настроения²⁹, что стало толчком для зарождения более централизованного и масштабного движения за независимость Ирландии.

На основе исторической памяти был создан национальный героический миф, который вошел в идеологию североирландских республиканцев. Об этом говорит, например, то, что годовщины Пасхального восстания традиционно сопровождалось различными республиканскими мероприятиями с присутствием на них обоих крыльев Ирландской Республиканской армии³⁰. Подтверждением выступают также использование республиканскими организациями пасхальной лилии в качестве символика³¹ и достаточно большое число памятников, посвященных указанному событию. К подобным объектам можно отнести, к приме-

ру, мурал, размещавшийся на Фоллс-роуд в Белфасте и состоявший из надписи: «Пасха 1916 – 1991. 75 лет сопротивления. Присоединяйтесь к борьбе. ИРА»⁵². Схожим характером обладало, например, также монументальное изображение, располагавшееся на Бичмаунт-авеню: центром композиции являлся круг с вписанным в него силуэтом Ирландии и рукой в цепях, сжимающей пасхальную лилию. В верхней части изображения помещалось схематическое изображение горящего здания Главпочтамта с восстающим из него фениксом, а также надпись «1916-1991. Свободная Ирландия».

Указание на то, что Пасхальное восстание 1916 года было отправной точкой незавершенного процесса, не только сообщало о том, что республиканские организации Северной Ирландии являются прямыми продолжателями борьбы за свободу и независимость ирландского народа, но и то, что положение ирландцев во многом осталось неизменным. Идеология ирландского республиканизма предполагала рассмотрение ирландского (католического) населения, проживающего на территории Великобритании, исключительно как страдающего и угнетенного, нуждающегося в защите и обретении свободы от угнетателей – юнионистской администрации и воли центральных властей. Интерпретация событий прошлого ориентировалась на легитимацию насилия по отношению к тем, кто так или иначе препятствовал полному освобождению Ирландии и ее народа, а также на мобилизацию населения для вступления в борьбу с идеологическим врагом.

Североирландский конфликт характеризовался поляризацией общества по этноконфессиональному признаку. Конфронтация между протестантской и католической общинами сопровождалась массовыми случаями совершения преступлений на почве ненависти и усугублялась действиями введенных в Северную Ирландию частей регулярной армии. Чувство незащищенности в условиях нахождения в постоянной опасности заставляло население шести графств

Ольстера искать поддержки у вооруженных республиканских и юнионистских групп. Это обстоятельство формировало тесную связь между членами этнорелигиозных общин и радикальными силами. Последние стремились к сохранению подобной зависимости, усилению своего влияния и привлечению к активному сотрудничеству как можно большего числа лиц, а потому вели активную пропаганду собственной идеологии. Одним из способов трансляции положений этой идеологии выступало внедрение ее компонентов в сюжеты создаваемых городских памятников. Эти объекты не только помогали маркировать территории, «принадлежащие» той или иной этноконфессиональной общине, но и активно влияли на идентичность городских жителей, так как созерцались ими на постоянной основе. Обращение к исторической памяти населения делало данный способ трансляции радикальной идеологии еще более эффективным, что можно наблюдать на примере использования республиканскими и юнионистскими силами образов, связанных с Первой мировой войной. Нарратив о событиях периода Первой мировой войны оказался интерпретирован радикальными организациями юнионистов и республиканцев в соответствии с их идеологией и стал частью пропаганды. Героизация деятелей прошлого – членов организации «Ольстерских Добровольческих Сил», солдат 36-й Ольстерской дивизии, участников Пасхального восстания 1916 года, автоматически придавала героический характер и деятельности тех лиц, организаций, которые провозглашали себя их идеологическими последователями, потомками. Этому способствовало и приравнивание межобщинного конфликта 1969-1998 годов к событиям прошлого, традиционно интерпретируемым как «защита Отечества» или «борьба за свободу народа». То есть в рамках идеологии юнионистов Ольстерский конфликт находился в тех же координатах, что и Первая мировая война, и также требовал консолидации всех сил для защиты интересов Великобритании. В

то же время в концепции республиканцев он был прямым продолжением борьбы угнетенного ирландского населения за свои права и свободы. Создавался миф о «жертве», принесенной религиозными общинами в прошлом, которая давала им право быть главенствующей силой в Северной Ирландии. Призыв «соответствовать» планке, заданной героями прошлого, не забывать их подвиги, обращенный к католикам или протестантам, оказывался сопряжен с попытками радикальных сил привлечь как можно больший процент населения на свою сторону. Жителей шести графств Ольстера агитировали участвовать в открытой борьбе, применять «исторически оправданное» насилие по отношению к «соседям», назначенным врагами. Обращение юнионистов и республиканцев к историческим сюжетам, образам Великой войны, являющимся важными элементами для официальной коммеморативной традиции в Великобритании и Республике Ирландия, а также тесно связанным с категориями горя, травмы, делало идеологическую интерпретацию конкретных событий и явлений легко воспринимаемым широкими массами способом пропаганды. Воздействие на патриотические чувства, эмоции католиков и протестантов сочеталось с использованием хорошо знакомых населению лозунгов, а также предложением предельно простых способов решения существующих проблем. Это наравне с прочими факторами способствовало широкому распространению радикальной идеологии в социуме и усугублению противоречий между двумя общинами, в том числе в области исторической памяти, что, несомненно, вело к затягиванию конфликта и усложнению путей его мирного разрешения. Таким образом, историческая память населения Северной Ирландии о событиях Первой мировой войны, так или иначе оказавших влияние на жизнь в провинции Ольстер, была использована радикальными группами республиканцев и юнионистов в качестве одной из основ распространения собственной идеологии. Интерпретация

событий прошлого в рамках предлагаемой ими системы объясняла необходимость межобщинной конфронтации и мобилизации широких масс, героизировала деятельность вооруженных организаций и легитимизировала насилие, делая его одобряемой нормой и объективной необходимостью.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Whyte J. How Much Discrimination was there Under the Unionist Regime, 1921-1968? // Gallagher, T., O'Connell J. Contemporary Irish Studies. Manchester, 1983. [Digital resource] URL: <https://cain.ulster.ac.uk/issues/discrimination/whyte.htm> (Дата обращения: 03.05.2019).
- ² Walker G. A History of the Ulster Unionist Party: Protest, Pragmatism and Pessimism. Manchester: Manchester University Press, 2004. P. 162.
- ³ Heatley R.W. Direct Rule: Civil Rights Not Civil War. Belfast, 1972. P. 5.
- ⁴ Это отражено в новостной кинохронике, например, см.: Armagh March Meets Protest // RTE News [Digital resource] URL: <https://www.rte.ie/archives/exhibitions/1031-civil-rights-movement-1968-9/1037-armagh-march-meets-loyalist-protest/> (Дата обращения: 11.05.2019).
- ⁵ Newsinger J. British counter-insurgency myth. London: Palgrave Macmillan, 2015. P. 164.
- ⁶ Graham B., Shirlow P. The Battle of the Somme in Ulster memory and identity // Political Geography. №21. 2002. P. 881–904.
- ⁷ Beiner G. Between Trauma and Triumphalism: The Easter Rising, the Somme, and the Crux of Deep Memory in Modern Ireland // Journal of British Studies. Vol. 46, № 2, 2007. P. 366 – 389.
- ⁸ Bell J. For God, Ulster or Ireland? Religion, identity and Security in Northern Ireland. Belfast: Institute for Conflict Research, 2014. 118 p.
- ⁹ Judge A.L. Neither Here Nor There: Northern Ireland, Myth, and the People In Between. West Ontario: The University of Western Ontario, 2017. 625 p.
- ¹⁰ Rolston B. Politics and Painting: Murals and Conflict in Northern Ireland. New Jersey: Fairleigh Dickinson University Press, 1991. 150 p.
- ¹¹ Forker M., McCormick J. Walls of history: the use of mythomoteurs in Northern Ireland murals // Irish Studies Review. 2009. №17. P. 423–465.
- ¹² McGarry F. The Rising. Ireland: Easter 1916. Oxford: Oxford University Press, 2016. P. 44.
- ¹³ Op. cit. P. 45.
- ¹⁴ Grob-Fitzgibbon B. Neglected Intelligence: How the British Government Failed to Quell the Ulster Volunteer Force, 1912-1914 // Journal of Intelligence History. Vol. 6. 2006. P. 2.
- ¹⁵ Parkinson A.F. Friends in High Places. Ulster's

- resistance to Irish Home Rule, 1912-1914. Belfast: Ulster Historical Foundation, 2012. P. 12.
- ¹⁶ Op.cit. P.12.
- ¹⁷ *Grob-Fitzgibbon B.* Op. cit. P. 4; *Haberfeld M.R., King F.J., Lieberman C.A.* Terrorism Within Comparative International Context: The Counter-Terrorism Response and Preparedness. New York: Springer, 2009. P. 42.
- ¹⁸ В дальнейшем в рамках данной работы эта организация будет обозначена как UVF (Ulster Volunteer Forces) во избежание путаницы и разночтений.
- ¹⁹ *McDonald H., Cusack J.* UVF. The Endgame. Dublin: Poolbeg Press, 2016. P. 18.
- ²⁰ *McCormick J.* A Directory of Murals in Northern Ireland // CAIN Web Service - Conflict and Politics in Northern Ireland [Digital resource] URL: <https://cain.ulster.ac.uk/cgi-bin/murals.pl> (Дата обращения: 01.11.2021).
- ²¹ East Belfast – Memorials, Long, Cordner, Seymour and Bennett - UVF // CAIN Web Service - Conflict and Politics in Northern Ireland [Digital resource] URL: https://cain.ulster.ac.uk/viggiani/east_mural.html (Дата обращения: 01.11.2021).
- ²² *Foy M.T.* The Ulster Volunteer Force: its domestic development and political importance in the period 1913 to 1920, Belfast: The Queen's University. 1986. P. 206.
- ²³ *Bowman T.* The Ulster Volunteer Force and the Formation of the 36th (Ulster) Division // *Irish Historical Studies*, Vol. 32. № 128. P. 500.
- ²⁴ *Graham B., Shirlow P.* The Battle of the Somme in Ulster memory and identity // *Political Geography*. №21. 2002. P. 888.
- ²⁵ *McCormick J.* A Directory of Murals in Northern Ireland // CAIN Web Service - Conflict and Politics in Northern Ireland [Digital resource] URL: <https://cain.ulster.ac.uk/mccormick/photos/no113.htm#photo> (Дата обращения: 01.11.2021).
- ²⁶ *McCormick J.* A Directory of Murals in Northern Ireland // CAIN Web Service - Conflict and Politics in Northern Ireland [Digital resource] URL: <https://cain.ulster.ac.uk/cgi-bin/murals.pl> (Дата обращения: 01.11.2021).
- ²⁷ *Beiner G.* Between Trauma and Triumphalism: The Easter Rising, the Somme, and the Crux of Deep Memory in Modern Ireland // *Journal of British Studies*. Vol. 46, №. 2, 2007. P. 386.
- ²⁸ *McGarry F.* Revolution 1916-1923 // *The Cambridge History of Ireland*. Cambridge, 2018. P. 369.
- ²⁹ A Chronology of the Conflict – 1971 // CAIN Web Service [Digital resource] URL: <https://cain.ulster.ac.uk/othelem/chron/ch77.htm> (Дата обращения: 03.08.2019).
- ³⁰ *Coogan T.P.* The Troubles: Ireland's Ordeal 1966–1995 and the Search for Peace. London: Head of Zeus, 2015. P. 122.
- ³¹ *McCormick J.* A Directory of Murals in Northern Ireland // CAIN Web Service - Conflict and Politics in Northern Ireland [Digital resource] URL: <https://cain.ulster.ac.uk/cgi-bin/murals.pl> (Дата обращения: 01.11.2021).
- ³² *McCormick J.* A Directory of Murals in Northern Ireland // CAIN Web Service - Conflict and Politics in Northern Ireland [Digital resource] URL: <https://cain.ulster.ac.uk/mccormick/photos/no42.htm#photo> (Дата обращения: 01.11.2021).

TRIUMPH AND TRAGEDY: THE EVENTS OF WORLD WAR I IN THE IDEOLOGY OF THE TROUBLES PARTICIPANTS (1969-1998)

© 2022 D.A. Afanasyeva

Samara National Research University named after Academician S.P. Korolev

The paper covers the specifics of the interpretation of the World War I events by radical unionist and republican groups during the Troubles in 1969-1998. The main sources are urban physical memorials in Northern Ireland. The author identifies the origins of the motives for the glorification of the figures of the World War I participants, in particular, the Battle of the Somme, and the Easter Rising. The mechanism of mutual influence of historical memory, narratives associated with collective trauma or collective triumph, and mythology constructed by radical groups to broadcast their own ideology is described. The author concludes that events of the past which have a special symbolic meaning for the identity of Catholics and Protestants in Northern Ireland, are interpreted within the framework of radical Unionist and Republican ideology, and act as tools for legitimizing violence, mobilizing the population and preserving social polarization.

Keywords: The Troubles, Northern Ireland, Ulster unionism, Ireland republicanism, historical memory.

DOI: 10.37313/2658-4816-2021-4-1-46-55

*Daria Afanasyeva, Graduate Student, Department of General History, International Relations and Documentation Science.
E-mail: afanasyevm98@gmail.com*